

Научно-популярный и учебно-методический журнал

РУССКИЙ ЯЗЫК

в школе и дома

сентябрь

Издатель – ООО «Наш язык»

Выходит 12 раз в год

2016

12 +

СОДЕРЖАНИЕ

2 Учебник +

Тайны слова 5

7 Так говорят дети...

Листая календарь 10

11 У нас на уроке

Рабочая тетрадь 13

17 Игры. Шарады

Кроссворд 19

20 Ответы

Учебник +

О первом научном направлении в языкознании и о методике доказательства языкового родства (Окончание)

Принцип морфемного членения слова был чрезвычайно важен для установления научных этимологий, ведь именно морфемы были теми кирпичиками, которые отныне подвергались сравнению. Например, словообразовательный анализ позволяет установить этимологию слова *мешок*. По аналогии со словами *грех* – *грешок*, *пух* – *пушок*, *смех* – *смешок* и т.п. (с учетом исторического чередования заднеязычного *x* и шипящего *ш*) выделяем суффикс *-ок*, который, присоединяясь к корню, образует слово с деминутивным значением (уменьшительность). Получаем значение слова *мешок* – маленький мех. Речь идет о мехах – мешках из шкур животных для хранения воды, вина и др. продуктов.

Безразличие к морфологическому составу слова приводило к ошибочным сопоставлениям. Хорошо известны нелепые этимологии, предлагаемые средневековыми схоластами, которые доминиканцев (*dominicāni*) – монахов ордена святого Доминика (*Dominicus* – от лат. *Dominus* ‘Господь’) – беспощадных инквизиторов и ревностных гонителей еретиков – называли *domini canes* ‘псами Господа’ (от лат. *canis* ‘собака, пес’).

3. Кроме того, развиваясь обособленно в разных родственных языках после их отделения от общего языка-источника, слова не могли оставаться неизменными, они подвергались различным фонетическим и семантическим изменениям, в результате чего становились совершенно непохожими друг на друга. Для доказательства их общего происхождения была необходима специальная методика возведения этих слов к общему источнику. Поскольку семантические изменения были произвольны и часто не предсказуемы, модификации фонетического облика слова стали предметом пристального изучения и строгой систематизации нескольких поколений ученых XIX и XX вв. Регулярные, не знающие исключений соответствия звуков родственных языков стали называть звуковыми (или фонетическими) законами. В результате действия таких законов общиндоевропейское слово могло до неузнаваемости измениться, например в германских языках или в армянском, но лингвист, зная действие фонетических законов, может реконструировать первоначальный фонетический облик слова, опираясь на звуковые законы.

Реконструкция общего праязыкового состояния опиралась на выявленные многочисленные соответствия звуков родственных языков. Если вернуться к примеру *мех* – *мешок*, то можно заметить, что слово *мех* до орфографической реформы 1918 г. писалось с буквой *ѣ* (ять) в корне – *мѣхъ*. Этой буквой на письме обозначался закрытый (верхний) звук [e], который возник из долгого гласного или дифтонга (*oĭ, aĭ*), поэтому русскому слову *мех* соответствует балтийское (литовское и латышское) *mai-*, а звуку [s] в балтийских языках соответствует славянское [h]:

Литовский язык	Древнерусский язык
sau-s-as	су-х-ъ (сухой)
blu-s-a	бль-х-а (блоха)
mu-s-e	му-х-а

Опираясь на эти звуковые соответствия между балтийскими и славянскими языками, можно утверждать, что русское слово *мешок* родственно литовскому *maišas* 'сумка'.

Первый звуковой закон был сформулирован Расмусом Раском и Якобом Гриммом в результате наблюдения над изменением фракийских слов (латинских и древнегреческих) в германских языках. Закон Раска – Гримма получил название закона «первого германского передвижения согласных», поскольку трем рядам индоевропейских шумных (глухие смычные, звонкие смычные и придыхательные) поставлены в соответствие три ряда германских согласных.

Согласно этому закону индоевропейские придыхательные звонкие смычные утратили придыхание (скр. *bharāmi*, греч. φερω – гот. *bairan*, др. англ. *bera*, старосл. берѣ); звонкие смычные превратились в глухие смычные: $b > p$, $d > t$, $g > k$ (*duo* – *tre*), а глухие смычные перешли в глухие сibilянты ($p > f$, $t > th$, $k > h$):

π – f (f) (греч. πατήρ, лат. *pater*, гот. *fadar*, англ. *father*)

τ – th (þ) (греч. τρεις, лат. *trēs*, гот. *þreis*, англ. *three*)

κ – h (h) (греч. κάρδια, лат. *cor* (cordis), англ. *heart*)

Таким образом, древние индоевропейские согласные звуки «передвинулись» на германском материале, превратив придыхательные в непридыхательные, звонкие в глухие, а глухие в сibilянты.

На протяжении всего XIX в. ученые устанавливали новые закономерные изменения звуков индоевропейских языков, в результате чего получилась величественная картина исторической фонетики родственных языков, которая объясняла не только изменения отдельных звуков, но динамику фонетической системы в целом, а этимологический анализ и реконструкция праязыкового состояния получили надежную основу.

Словообразовательный анализ слов и изучение закономерных изменений фонетических оболочек отдельных морфем позволяли не просто предполагать, а доказывать родство языков. Например, латинскому слову *angulus* оказывается родственным старославянское (древнецерковнославянское) слово жгѣль (русское *угол*). Ведь, как уже было показано Боппом (и доказано А.Х. Востоковым), старославянскому юсу большому (ж) соответствует в древних индоевропейских языках сочетание гласного непреднего ряда с носовым согласным (**on*, **an*; ср. лит. *rankā*), в русском языке – гласного звука [y], а корневой гласный [u] в слабой (безударной) позиции превратился в старославянском и в древнерусском в редуцированный ъ (ер). Общеиндоевропейское окончание именительного падежа *-os в латинском языке дало -us, а в старославянском – ъ.

Подобный метод используется не только для доказательства родства языков, но и для выяснения происхождения слов отдельного языка (при этом в процессе этимологического анализа могут активно привлекаться данные родственных языков и диалектов). Например, слова *волк* и *облако* в русском языке оказываются близко родственными, имеющими общее происхождение. Ведь *волк* (**v/k-os*) этимологически связан с глаголом *волоку*, *волочь* / *влеку*, *влечь*, т.е. *волк* – 'волокущий свою жертву'. От этого же корня с чередованием гласных образовано слово *волоок* (**velk-ti* > **volk-os*) – место между реками, где лодки перетаскивали (волоок-

ли) по суше (именно это слово вошло в топонимы *Волоколамск* и *Вышний Волочек*). Старославянизм *облако* соответствует древнерусскому слову *оболокъ* (ср. рус. *оболочка*) с общей основой **ob-volk-*, в составе которой сочетание согласных *-bv-* упростилось в *-b-* (ср. *обвязать* – *обязать*, *обвыкнуть* – *обыкновенный* и т.д.) (Откупщиков Ю.В. К истокам слова. – СПб., 2005. – С. 224). Таким образом, выявление звуковых переходов в родственных языках и определение исторического изменения звуков одного языка стало надежным инструментом реконструкции общего языкового состояния, позволило убедительно говорить о происхождении слов.

Методика доказательства языкового родства стала основой формирования первого истинно научного лингвистического направления – сравнительно-исторического языкознания. Предложенная методика исключала субъективную интерпретацию языковых фактов, опиралась на выработанные приемы объективного и строгого анализа материала, достоверность и верифицируемость полученных результатов.

Близкородственные языки чаще всего соседствуют, непосредственно контактируют друг с другом, например славянские, германские и др. Действительно, славянская подгруппа распадается на западославянские, южнославянские и восточнославянские языки, которые объединены общей территорией и демонстрируют явное тождество на уровне лексики, грамматики и фонетики. Например, южнославянским сочетаниям *-ra-*, *-la-*, *-re-* в восточнославянских языках соответствуют полногласные сочетания *-oro-*, *-оло-*, *-ере-*: *враг* – *ворог*, *град* – *город*, *брег* – *берег*, *длань* – *ладонь* и др.

Однако иногда близкие языки (например, кельтские и германские языки, греческий и албанский) могут сильно отличаться друг от друга, и наоборот, языки, разделенные огромным расстоянием, оказываются очень похожи. Так, литовский язык и санскрит имеют множество одинаковых слов, характеризуются некоторыми общими грамматическими чертами, можно найти целые предложения, звучащие одинаково на таких, казалось бы, далеких языках, ср.: скр. *Kas tava sūnus?* ‘Кто твой сын?’ и лит. *Kas tava sūnus?* ‘Кто твой сын?’ Ученые пытаются найти объяснение подобным явлениям: почему современный литовский язык сохранил архаичные черты (по некоторым параметрам он сопоставим с санскритом) по сравнению с другими европейскими языками, а другие претерпели чудовищные изменения (современный английский язык и хинди).

И еще один важный вопрос, на который мы попытаемся найти ответ – зачем нужно доказывать родство языков? Что дает науке генеалогическая классификация (т.е. по родству) языков мира? Помимо удовлетворения простого человеческого любопытства – как выглядел язык наших далеких предков, как вообще возник человеческий язык, можно ли говорить об общем источнике всех языков мира и т.п. – сравнительно-исторический метод позволяет описать и объяснить историческое изменение реально существующих на земле языков. Мы можем не только предположить происхождение того или иного слова, но и, опираясь на регулярные фонетические соответствия и морфемное членение, установить этимологию, подробно проследить историю развития того или иного языка на фоне изменения всех языков данной семьи. Именно эта картина общего развития родственных языков позволяет делать выводы об изменениях, касающихся каждого отдельного языка. Не случайно А. Мейе говорил о том, что невозможно описать историческое изменение языка, генетические связи которого не установлены. И наоборот – невозможно говорить о принадлежности языка к той или иной семье, если нам неизвестна его история (Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. – М.: Л., 1938). Таким образом, языкознание, сравнивающее разные языки и устанавливающее их родство, может быть только историческим.

О.А. ВОЛОШИНА
Москва